

КОММЕНТАРИЙ • ПОЛИТИКА

Под корень

Что из себя представляли лагеря при Сталине? Самый надежный показатель их «эффективности» — смертность среди заключенных

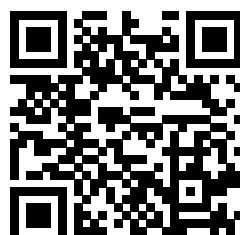
Обувь узников, оставшаяся на месте лагеря. Фото Николая Никитина / Фотохроника ТАСС

16:01, 12 сентября 2025,

Павел Гутионтов

обозреватель

Полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Достоевский писал в «Записках из Мертвого дома»:

«Когда смеркалось, нас всех вводили в казармы, где и запирали на всю ночь. Мне всегда было тяжело возвращаться со двора в нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освещенная сальными свечами с тяжелым, удушающим запахом. Не понимаю теперь, как я выжил в ней столько лет. На нарах у меня было три доски: это было всё мое место. На этих же нарах размещалось в одной нашей комнате человек тридцать народу... Ночью наступает нестерпимый жар и духота. Хоть и обдает ночным холодком из окна, но арестанты мечутся на своих нарах всю ночь, словно в бреду. Блохи кишат мириадами».

В принципе, любая тюрьма любой страны — это произвол, болезни, страдания. Но в фундаментальном труде профессора М. Гернета «История царской тюрьмы» содержится особенно много пламенных прокламаций и сентенций о страдающих революционерах и кровавых репрессиях царизма. Еще во вступлении к первому изданию своего труда (1946) Гернет утверждал, что в истории царской тюрьмы нет и не может быть ни одного светлого периода. Эта работа сделала Гернета классиком и общепризнанным монополистом в изучении «тюремной» темы в отечественной историографии на долгие десятилетия. Последний том «Истории» вышел в свет в 1963 году.

К сожалению, в пятитомнике Гернета удивительно мало конкретных цифр и совсем нет сравнений, которые дали бы возможность понять, чем отличалась, и отличалась ли, тюремная система Российской империи от всех остальных.

Что ж, с 1885 по 1915 год, за 30 лет, в тюремной системе Российской империи гражданского

ведомства умерли в абсолютных цифрах 126 256 человек.

В эту цифру входят статистические показатели каторжных тюрем, исправительных арестантских отделений, тюрем прочих наименований — губернских, областных, уездных, окружных, следственных, срочных и пересыльных, Петроградской временной тюрьмы, заключенных, умерших на строительстве Амурской железной дороги.

А это как, много? Мало? Единственный пример. Во время «массового голода» 1906 года, когда, казалось бы, смертность заключенных должна была достигнуть пика, российские тюрьмы, от Архангельска до Самарканда, дали самый низкий показатель смертности за 30 лет.

В тот примечательный год умерли 1596 человек (1,4 процента всего тюремного населения) на огромном пространстве от Акатуйского каторжного рудника до Орловского исправительно-арестантского отделения. Этот показатель соответствует уровню британской тюремной системы и уровню, который показывали тюрьмы США в 1920–1930-е годы XX века. Он находится ниже или сравним с аналогичными статистическими индексами тюрем Швеции, Австро-Венгрии, Франции, Пруссии, Бельгии, Дании.

Это в 42 раза (!) меньше в абсолютных показателях и в 10 раз (!) меньше в относительных по сравнению с показателями смертности заключенных в сталинских лагерях, скажем, в 1933 году.

Молодой псковский историк Михаил Наконечный 10 лет собирал материалы о смертности заключенных в лесных лагерях ГУЛАГа. Защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском университете. Затем стал доктором в

американском Гарварде...

Надо сказать, цифры, отысканные Наконечным, переворачивают наши представления о том, что происходило в сталинском СССР. Пишет он скрупульно, без оценок, «не опускаясь до публицистики», но мороз по коже — пробирает.

Соловецкий лагерь особого назначения. Фото: википедия

Без права переписки

В 1956 году «цэковская» комиссия Поспелова назвала цифру в 688 503 расстрелянных в годы сталинских репрессий. В 1963 году в докладе «комиссии Шверника» была названа еще большая цифра — 748 146 расстрелянных за период 1935–1953 гг., из них 681 692 — в 1937–1938 гг. (в том числе 631 897 по решению внесудебных органов.) В 1988 году в справке КГБ СССР, представленной Горбачеву, было названо 786 098 расстрелянных в 1930–1955 гг. В 1992 году по данным начальника отдела регистрации и архивных форм МБРФ за 1917–1990 гг. имеются данные о 827 995 приговоренных к ВМН за

государственные и аналогичные преступления.

В среднем за два года в 1937–1938 гг. в стране **казнили от 1000 до 1200 человек в день**. Никогда за всю историю нашей юстиции такого количества казней не было. Вроде бы подобная интенсивность расстрелов даже совсем упротого человека может заставить задуматься, а не бежать с букетом к барельефу вождя.

За несколько недель 1937 года расстреляли больше, чем все военно-окружные и военно-полевые суды царской России за 100 лет.

Но помимо расстрелов 30-е годы отмечены еще одним антирекордом: никогда за всю историю российской юстиции XIX–XX вв. в места лишения свободы не поступало в столь сжатые сроки такого гигантского количества следственных и срочных заключенных. «Население» лагерей, колоний и тюрем увеличилось за девять месяцев (с 1 июля 1937-го по 1 апреля 1938 года) на 800 тыс. человек. По состоянию на 1 января 1939 года в лагерях находились 1 317 195 заключенных, в тюрьмах — 352 508, в колониях — 355 243 человек.

Отечественная пенитенциарная система к этому наплыву готова не была.

Вот как описывает ситуацию доктор исторических наук Олег Хлевнюк: «Катастрофические последствия имело резкое нарастание потока в лагеря новых заключенных, причем измученных тюрьмами и пытками, тяжелобольных и часто раздетых... Отправка в лагеря большого количества истощенных, больных и инвалидов, а также превышение нарядов были естественным следствием всей ГУЛАГовской

системы в годы «большого террора». Переполненные тюремы и колонии старались избавиться от заключенных, лагеря не могли их принять».

Любая статистика смертности в тюрьмах и лагерях обретает ясное значение только в контексте сходных величин, заимствованных из мирового опыта. Только тогда появляется некая система координат, в которой все заявления о «катастрофической», «приемлемой» или «нормальной» смертности в тот или иной период перестают быть публицистическими приемами и обретают конкретное статистическое обоснование.

Экскавация жертв сталинских репрессий. Фото: ITAR-TASS

Если в ходе сравнений выяснится, что лагерная статистика 1937–1938 гг. была характерна для тюремных систем развитых стран исследуемого периода, то считать ситуацию в лагерях «аномалией» нет оснований.

Если же анализ будет свидетельствовать о гуманитарной катастрофе, не имеющей на тот момент аналога среди развитых стран, то можно будет вполне обоснованно, с опорой на доказательную базу использовать усиленное словосочетание «экстремально высокая смертность».

Так Михаил Наконечный определил свою задачу, взявшись исследовать статистику «лесных лагерей» ГУЛАГа.

Слишком много цифр

Статистика смертности в местах лишения свободы в СССР в 1933 году показывает, что за колючей проволокой произошло совершенно **немыслимое** для пенитенциарной системы царской России — отнюдь не идеальной. В 1933 году умер каждый шестой заключенный — более 70 тысяч человек. В абсолютных показателях это почти столько же, сколько умерло заключенных в тюрьмах Российской империи за 20 лет.

Обобщены сведения по колониальным тюрьмам французского Вьетнама 1930–1945 годов, Гвианы 1920–1930 годов, известных своими жесточайшими условиями содержания и высокими показателями смертности. Смертность в тюрьмах французского колониального Вьетнама, известных своей лютой жестокостью, составила в 1933 году 1174 человека. Это в **60 раз** меньше в абсолютных показателях и почти в **два раза** меньше в относительных, чем в местах лишения свободы в СССР в том же году.

Во всех тюрьмах США в 1933 году умерли 880

человек. Иначе говоря, — в 76 раз (!) меньше в абсолютных показателях и в 25 раз (!) в относительных, чем в СССР.

Лагеря ГУЛАГа в 1933 году с точки зрения перспектив выживаемости человека были хуже, чем колониальные тюрьмы Вьетнама и Гвианы. О сравнении с тюрьмами европейских государств или США речи не идет.

На протяжении всех 30-х годов, пишет Наконечный, в СССР существовали лагеря с *катастрофической* смертностью: Сазлаг, Кулойский (Кулойлаг), Тайшетский (Тайшетлаг), Свирилаг. В мирном 1938 году в лесных лагерях вновь появились жуткие коэффициенты смертности, составлявшие 21 и 24 процента.

На основании «кулацкого» приказа от августа 1937-го по ноябрь 1938 года 380 тыс. человек направлены в ИТЛ. Соответственно, **установленные** первоначально «**лимиты**» — репрессировать 268,95 тыс. человек, из которых «только» 75,95 тыс. расстрелять, были превышены в несколько раз. Сроки операции многократно продлевались Москвой, регионам предоставлялись дополнительные «**квоты**» на расстрел и посадку. Всего в ходе «кулацкой операции», в основном завершенной к весне-лету 1938-го, было осуждено не менее 818 тысяч человек, из которых расстреляно не менее 436 тысяч. Все повышения «лимитов» согласовывались с центром посредством сверхсекретных телеграфных сообщений.

Выбывшие из лагеря...

Данные о смертности в лесных лагерях Наконечный брал из документооборота Санитарного и Учетно-распределительного отделов ГУЛАГа (фонд № 9414 Государственного архива РФ). Можно сказать, что на сегодняшний день это достаточно

достоверная информация.

Репрессии 1938 года по масштабу превзошли операции 1937-го. С учетом постоянно увеличивающегося потока осужденных Политбюро было снова вынуждено в срочном порядке отдавать приказ об организации «лесозаготовительных комплексов 2-й очереди»: так были созданы Вятлаг, Усольлаг, Севураллаг, Краслаг, Унжлаг и Онеглаг. Однако и их создание не решило проблемы переполненности пенитенциарной системы. Как это часто бывало с реализацией непродуманных и нереалистичных инициатив такого масштаба, приказ оказался совершенно не подкреплен реальными ресурсами и оперативными возможностями Главного управления лагерей. То, что выглядело гладко на бумаге, в реальности привело к катастрофе.

Барак усиленного режима лагеря Бутуычаг на Колыме. Фото: Никитин Николай / Фотохроника ТАСС

Среди заключенных новых лагерей смертность была

невероятно высокой. В декабре 1937 года, согласно отчетным данным, она составляла 2415, в январе 1938го — 3343, в феврале — 3244, в марте — 3040 человек: в среднем чуть меньше половины заключенных, числившихся умершими за этот период по всем лагерям (в декабре 1937 — марте 1938 гг. около 26 тыс.). Новые лесные лагеря 1937 года оказались временными лагерями смерти.

В периоды больших советских кризисов (голод 1932–1933 годов, «Большой террор» и Великая Отечественная) в ГУЛАГе резко возрастила смертность. Сообразно возрастили и лагерные «актировки» — освобождение неизлечимо больных, инвалидов, истощенных. Две трети заключенных ГУЛАГа погибло в период 1941–1945 гг., именно на это время приходится и пик «актировок». Наконечный подсчитал, что

в общей сложности за 1930–1956 гг. было «активировано» около 1 миллиона человек. Наконечный, опираясь на документы, полагает, что умерших непосредственно после освобождения было не менее 800–850 тысяч.

Прямыми следствием массовых операций НКВД 1937–1938 гг. было не только физическое уничтожение приговоренных к высшей мере наказания, но и не имеющая прямых аналогов в нашей истории дезорганизация пенитенциарной системы. Особенно тяжелая санитарная ситуация складывалась в новых лесных лагерях ГУЛАГа, организованных аврально вслед за решением Политбюро. Именно в эти новообразованные ИТЛ хлынула часть гигантского потока осужденных в ходе «кулацкой» и «национальных» операций НКВД. И именно эти заключенные умирали с беспрецедентной для мирного времени интенсивностью. Высаженные из эшелонов в

неподготовленные для расселения такого количества людей тайгу и лесные массивы, без достаточных запасов продовольствия, многие узники были обречены на инвалидность и гибель.

Представление о том, что происходило в 1938 г., например, в Локчимлаге, можно получить из региональных исследований. Вот как описывает ситуацию первого года его функционирования историк Н. Морозов:

«Локчимский лагерь был самым страшным из всех лагерей, дислоцированных в те времена в Коми АССР. Условия жизни и труда заключенных были ужасающими. В январе–феврале 1939 г. Коми обком ВКП (б) проверял работу лагеря. Самым страшным, по мнению членов комиссии, был IV квартал 1938 г., когда от голода, болезней и непосильного труда умерло более 1000 заключенных (всего за этот год погибло 4003 заключенных).

Главные причины смертности — истощение организма и авитаминоз. Имея запасы муки, начальники лаготделений умышленно снизили нормы питания до 200 граммов хлеба в день, кормили заключенных мучной похлебкой. Особенно зверский режим содержания был в Мыелдинском, самом отдаленном лаготделении (начальник — Большаков). Только на расходах по содержанию заключенных в этом квартале администрация лагеря «сэкономила» 105 280 руб.

Перезахоронение останков жертв политических репрессий. Фото: ITAR-TASS

На каждый лагучасток было выделено по две тонны вазелина, который использовался как профилактическое средство против обморожения. Комиссия обнаружила несколько сот обмороженных заключенных. О вазелине никто из них не слышал».

Только на питании заключенных в 1938 г. было «сэкономлено» 606 700 руб., и эти средства пошли в фонд зарплаты управленческого персонала лагеря.

По воспоминаниям уцелевших узников Локчимлага, «там царил такой голод, что люди ели людей. И от голода пытались бежать». Их ловили и расстреливали. Особая тройка НКВД Коми АССР 28 января, 7 и 14 февраля 1938 года приговорила к

расстрелу 106 заключенных. Таким образом, достигалась экономия средств.

Наиболее экстремальная ситуация сложилась в Кулойлаге. В 1938 году там погиб 2541 заключенный — 24 процента от среднесписочного состава, по сути, умер каждый четвертый узник. Это абсолютный антирекорд по всей системе ГУЛАГа в 1938 году. На 2-м и 3-м месте находились Тайшетлаг и Каргопольлаг, где за год вымерли 21,5% и 18,53% заключенных соответственно — примерно каждый пятый от среднесписочного состава. В Томасинлаге погиб каждый седьмой, в Локчимлаге каждый шестой, в Ивдельлаге каждый девятый...

Из письма наркома Берии председателю Совнаркома Молотову от 17 апреля 1939 года:

«Существующая в ГУЛАГе норма питания в 2000 калорий рассчитана на сидящего в тюрьме и не работающего человека. Практически и эта заниженная норма снабжающими организациями отпускается только на 65–70%. Поэтому значительный процент лагерной рабочей силы попадает в категории слабосильных и бесполезных на производстве людей. На 1 марта 1939 г. слабосильных в лагерях и колониях было 200 000 человек, и поэтому в целом рабочая сила используется не выше 60–65%».

Это был результат 1938 года.

Ничего подобного в мире не было.

«Какое мужество проявили руководители»

Когда 12 лет назад «общественность» Пермского края торжественно отмечала 75-летие Усольлаг, заместитель председателя краевого совета ветеранов ГУФСИН полковник

Сергей Ерофеев написал: «В январе 1938 года в Усольском ИТЛ НКВД СССР были заложены традиции, которые имеют ценность и в нынешнее время. Это верность Родине, взаимовыручка, уважение к ветеранам... Усольлаг — это тысячи километров дорог, сотни лесных поселков, более 60 тыс. сотрудников, рабочих и служащих, трудившихся на протяжении 75 лет, это школы, детсады, клубы. В какое лихолетье был образован Усольский ИТЛ, через сколько тяжких испытаний прошел! Какое мужество за это время проявили его руководители, аттестованный и вольнонаемный состав, чтобы учреждение встало на ноги и успешно решало производственные и социальные задачи».

Однако из документа «Финансовые результаты по предприятиям Усольлага за 1938 год» следует, что большинство подразделений закончили год с убытками. В 1939 году они составили 32 млн рублей: «Усольлаг в числе лагерей ГУЛАГа стоит на самом последнем и позорном месте».

И последнее.

В 1939 году в Усольлаге умерло 1782 заключенных.

***

Ради чего всё это было? Нет ответа...